

Еврей-птица / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 26 января, 2025

Еврей-птица / рассказ ЕВРЕЙ-ПТИЦА

Окно было распахнуто, и в комнату залетела тощая измождённая птица. Несколько взмахов чёрными потрёпанными крыльями, хлоп-хлоп... Окно открыто – и вот она уже здесь. Было бы окно закрыто – значит не судьба ей найти кров. Устало взмахивая крыльями, птица залетела в раскрытое кухонное окно квартиры Гарри Когана, расположенной на последнем этаже жилого дома по 1-ой Авеню недалеко от нижней Ист-Ривер. На стене висела клетка улетевшей канарейки, её дверца была распахнута настежь. Но эта чёрная длинноклювая птица, со своей взъерошенной головой и печальными, слегка косящими глазами, так напоминая истрёпанную ворону, приземлилась на стол, если не прямо на аппетитную баранью отбивную Когана, то совсем рядом. Это случилось год назад жарким августовским вечером, когда хозяин дома, торговец морожеными продуктами, его жена и маленький сынишка сидели за ужином. Коган – грузный мужчина с волосатой грудью, в шортах на здоровенных мясистых ногах. На Эди был надет лифчик от красного купальника и жёлтые шортики, которые лишь слегка скрывали её стройные ножки. Своего десятилетнего сына Морриса, названного так в честь отца Эди, они звали просто Мори. Он был милым, хотя и не очень смышлёным ребёнком. Вся семья вернулась в город после двухнедельной поездки к матери Когана, которая была тяжело больна и находилась при смерти. Они хорошо проводили время в Кингстоне, в Нью-Йорке, но были вынуждены вернуться в Бронкс, узнав о болезни матери.

– Прямо на стол! – вскрикнул Коган, опуская свой пивной бокал и пытаясь со всей силы ударить птицу.

– Ах ты сучёнок!

– Гарри, выбирай выражения! – перебила его Эди, с опаской поглядывая на маленького Мори, который внимательно следил за всем происходящим.

Птица хрипло каркнула и, тяжело взмахнув своими перепачканными

крыльями с взлохмаченными перьями, взгромоздилась на открытую кухонную дверь, уставившись вниз:

– Гева-а-алт! Погр-р-ром!

– Смотрите, это говорящая птица! – удивлённо вскрикнула Эди.

– Да ещё и по-еврейски! – добавил Мори.

– Ишь, какой умник! – буркнул Коган. Он обглодал отбивную и положил на тарелку кость. – Ну, если ты можешь говорить, скажи-ка ты мне, что ты здесь забыл. Чего тебе надо?

– Если у вас нет лишней бараньей отбивной, я не побрезгую и кусочком селёдки с крошкой хлеба. Ведь одной духовной пищей сыт не будешь, – изрекла птица.

– Это тебе не ресторан! – ответил Коган. – Я спрашиваю, что привело тебя по этому адресу?

– Окно было открыто, – со вздохом сказала птица и спустя мгновение добавила: – Я убегаю. То есть я улетаю, конечно, но в то же время я бегу, спасаюсь от преследования.

– От кого ты убегаешь? – поинтересовалась Эди.

– От антисемитов.

– От антисемитов? – переспросили они все хором.

– Да, именно от них.

– Какие же антисемиты преследуют птицу? – спросила Эди.

– Да всякие, – ответила птица – и орлы, и стервятники, и ястребы. А иногда и вороны возьмут, да и глаза тебе выключат.

– А разве ты не ворона?

– Я? Я Еврей-птица!

Коган от души рассмеялся:

– Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа птица начала молиться. Она молилась без Торы и талеса, но с чувством, страстно. И Эди склонила голову, а Мори закачался, повторяя молитвы и одним глазом посматривая на птицу. Но Коган оставался безучастным.

Когда птица закончила молитву, Коган заметил:

– А где же твоя кипа и филактерии?

– Я старый радикал.

– А ты часом не какое-нибудь привидение или обман зрения?

– Да нет, я вовсе не фантом, – ответила птица – хотя с одной моей родственницей такое однажды приключилось. Слава Б-гу, всё

уже позади. Её вырвали из лап этого сумасшедшего ревнивца, её бывшего любовника. Сейчас у неё двое чудных детишек.

– У птиц? – лукаво полюбопытствовал Коган.

– А что здесь такого?

– Это какие такие птицы?

– Такие как я – Еврей-птицы.

Коган откинулся на спинку стула и зашёлся грубым хохотом:

– Не смейся людей! Я слышал о Еврей-рыбе¹, но о Еврей-птице – никогда.

– Им удалось истребить нас на какое-то время, – сообщила птица, переминаясь с одной тощей лапки на другую. – Пожалуйста, не угостили бы вы меня кусочком селёдки с маленькой крошкой хлеба, если, конечно, у вас есть лишний кусочек.

Эди встала из-за стола.

– Что ты собираешься делать? – спросил её Коган.

– Я почищу тарелки.

Коган повернулся к птице:

– Ну, и как Вас звать-величать, если это не такой уж строжайший секрет.

– Зовите меня Шварц.

– Может, это старый еврей, которого кто-то превратил в птицу?

– предположила Эди, убирая тарелки.

– Это действительно так? – спросил Гарри, закуривая сигару.

– Кто знает? – отвечал Шварц. – Разве Б-г нам всё рассказывает?

Мори приподнялся на своём стуле и взволнованно спросил птицу:

– А какую селёдку ты предпочитаешь?

– Сядь, Мори, а то упадёшь! – скомандовал Коган.

– Если у вас нет селёдки-матиус, то придётся мне довольствоваться смальцем, – сказал Шварц.

– У нас есть только банка маринованной селёдки с кусочками лука, – призналась Эди.

– Ну, если вы откроете консервы специально для меня, то съем и маринованную. Не сочтите за наглость, а нет ли у вас ещё кусочка чёрного хлеба?

Эди припомнила, что хлеб у неё остался.

– Покорми его на балконе, только не здесь, – сказал Коган, а потом обратился к птице:

– А после этого выметайся отсюда!

Шварц прищурил оба своих птичьих глаза и жалобно простонал:

– Я так устал, и мне предстоит такой дальний путь.

– Куда ты направляешься, на север или на юг?

Шварц, еле приподняв свои крылья, пожал плечами.

– Ты не знаешь, куда летишь?

– Я всегда лечу туда, где есть добрые люди.

– Ну, па, разреши ему остаться, он же всего лишь птица, – стал просить Мори.

– Ладно, оставайся на одну ночь, но не больше! – уступил Коган.

Когда утром Коган начал выгонять птицу из дома, Мори заплакал. Таким образом Шварцу удалось задержаться ещё ненадолго. Мори всё ещё был на каникулах, и все его школьные друзья разъехались. Ему было очень одиноко, и Эди радовалась тому, что мальчику весело играть с птицей.

– Птица никому не мешает, – уверяла она Когана, – к тому же она вовсе не прожорлива.

– А что ты будешь делать, когда она нагадит?

– Она будет пачкать с дерева, перелетев через улицу, никто и не заметит, если не будет проходить мимо.

– Ну ладно, – согласился Коган, – но я решительно против. Я тебя предупреждаю, надолго этот Мистер Шварц здесь не задержится.

– Чем тебе так не угодила эта бедная птичка?

– Тоже мне нашла бедную птичку! Да этот шельмец хитёр, как лиса! Он, видите ли, считает себя евреем!

– А почему тебя это так раздражает?

– Еврей-птица! Чушь какая-то! Один неверный шаг – и я вышвырну его отсюда со всеми его птичьими потрохами!

По настоянию Когана, Шварц жил на балконе в новом деревянном скворечнике, который купила для него Эди.

– Премного благодарен, – сказал Шварц, – хотя я бы предпочёл человеческую крышу над головой. Вы же знаете, как это важно в моём возрасте. Я люблю тепло, окна, запахи кухни. Я бы не

отказался время от времени пролистнуть «Еврейский Утренний Вестник», а ещё я бы выпил шнапса, так как он восстанавливает моё дыхание, с Б-жьей помощью. Но что бы вы мне ни дали, жаловаться я не стану.

Тем не менее, когда Коган принёс домой птичью кормушку, наполненную сухим зерном, Шварц отрезал:

– Это я есть не стану!

Коган вышел из себя:

– В чём дело, косоглазый? Что, жизнь малиной стала казаться? Ты забыл, что значит быть перелётной птицей? Я готов поспорить, что уйма знакомых тебе ворон, неважно, евреев или нет, зуб дадут за такой корм!

Шварц ничего не ответил. Что можно сказать такому грубому молодчику?

– Это не для моего желудка, – объяснил он позднее Эди. – От этого у меня колики. Так что уж лучше селёдка, пусть даже она вызывает жажду. По крайней мере, дождевая вода ничего не стоит, – печально прокаркал Шварц и выдавил скупой смех, судорожно хватая воздух.

Стараниями Эди, которая была хорошей хозяйкой и умела делать покупки, Шварцу всегда доставалась селёдка, а иногда и с кусочком картофельной латкес. Бывало даже, ему перепало немножко супового мяса, когда Коган смотрел в другую сторону.

Когда в сентябре начались школьные занятия, Коган вновь захотел избавиться от птицы. Но Эди всё-таки удалось уговорить его подождать ещё немного, чтобы дать Мори время освоиться.

– Оторвать от него птицу прямо сейчас – значит повредить его успеваемости, ты же помнишь, сколько неприятностей мы имели в прошлом году.

– Ладно, но я обещаю тебе, что раньше или позже мы избавимся от этой птицы.

Хотя Шварца никто не просил, он взял на себя всю ответственность за учёбу Мори. В благодарность за хорошее отношение хозяев в те короткие ночные часы, когда его пускали в дом, он следил за тем, как мальчик выполняет уроки. Он усаживался на комод возле парты Мори, в то время как мальчик старательно корпел над домашним заданием. Мори был неутомим, и

Шварц аккуратно направлял его энергию в нужное русло, приучая его к регулярным занятиям. Он также выслушивал его визгливое пиликанье на скрипке, время от времени удаляясь в ванную, чтобы дать передохнуть своим ушам. Потом они играли в домино. Мальчик без энтузиазма играл в шашки, а научить его игре в шахматы было просто невозможно. Когда мальчик болел, Шварц читал ему комиксы, хотя сам он их недолюбливал. И надо сказать, что вскоре успехи Мори заметно улучшились, и даже учитель музыки стал хвалить его игру. Эди признала в этом заслугу Шварца, хотя он благодарностей и слышать не хотел. Тем не менее, он гордился тем, что в дневнике Мори не было оценки ниже, чем «удовлетворительно», и даже выпил по этому поводу шнапса, уступив уговорам Эди.

– Если его нынешняя успеваемость не ухудшится, я без проблем пристрою его в один из самых престижных колледжей, – сказал как-то Коган.

– Как бы я хотела, чтобы так и было.

Но Шварц покачал головой:

– Он хороший мальчик, у вас нет причин для беспокойства. Он не станет бандитом или проходимцем, Б-г этого не допустит, но учёным он никогда не будет. Вы понимаете, что я имею в виду, хотя из него может получиться неплохой технарь. В наше время в этом нет ничего постыдного.

– Если б я был на твоём месте, я бы не совал свой длинный нос в чужие дела, – сказал разгневанный Коган.

– Гарри, пожалуйста, – взмолилась Эди.

– Моё терпение вот-вот лопнет! Этот косоглазый во всё лезет, чёрт бы его побрал!

И хотя Шварц не был столь желанным гостем в доме, он слегка набрал в весе, но внешность его при этом не изменилась в лучшую сторону. Он всё также выглядел замызганным с растрёпанными перьями, словно он только что попал в грозу. Он признавал, что уделяет мало времени своему виду. Вот ещё, и без того дел по горло.

– Ещё и марафет наводить! – говаривал он Эди. Но взгляд его стал живее, и хотя Коган продолжал дразнить его косоглазым, это уже не звучало столь категорично.

Шварц был вполне доволен своим положением и тактично пытался не переходить дорогу Когану, но однажды, когда Эди пошла в кино, а Мори был в душе, торговец морожеными продуктами начал провоцировать птицу на ссору.

– Б-га ради, почему ты не моешься хоть время от времени? Почему от тебя вечно смердит, как от дохлой рыбы?

– Если вы позволите мне заметить, Мистер Коган, когда вы съедите чеснок, от вас будет разить чесноком. Я три раза в день ем селёдку. Кормите меня цветами, и от меня будет пахнуть цветами.

– Да кто вообще обязан тебя кормить чем-либо? Радуйся, что тебе дают селёдку.

– Простите, но я и не думал жаловаться, – сказала птица. – Это Вы, кажется, жалуетесь.

– Да больше того, ночью я слышу, как с балкона доносится твой пороссячий храп, который не даёт мне сомкнуть глаз, – продолжал Коган.

– Слава Б-гу, храп пока ещё не является преступлением, – заметил на это Шварц.

– Короче, ты чёртов паразит и нахлебник! Скоро ты потребуешь спать в постели с моей женой!

– Мистер Коган, за это можете не волноваться, – заверил его Шварц. – Я всего лишь птица.

– Это ты так говоришь, а как я могу быть уверен, что ты птица, а не какой-нибудь Б-гом проклятый дьявол?

– Если б я был дьяволом, Вы бы уже догадались. Или Вы видите присутствие дьявола в том, что Ваш сын приносит домой отличные оценки?

– Заткнись, ты, птичий выродок! – заорал Коган.

– Гр-р-рубьян! – каркнул Шварц, встав на кончики своих когтей и расправив крылья.

Коган был готов заехать по тощей птичьей шее, но Мори вышел из ванной, и до конца вечера, пока Шварц не улетел спать на балкон, оба поддерживали видимость мира.

Но Шварц всё никак не мог забыть о ссоре и плохо спал в эту ночь. Он просыпался от своего собственного храпа, а проснувшись, отгонял от себя страшные мысли о том, что с ним

теперь станет. Он не хотел попадаться под горячую руку Когану, поэтому как можно больше времени проводил в своём птичьем жилище. А когда в его стенах становилось невыносимо тесно, он ходил взад-вперёд по краю балкона или садился на крышу своего домика, уставившись в пространство. Вечерами он часто засыпал за проверкой уроков Мори. Просыпаясь, он нервно вскакивал и метался по комнате из угла в угол. Он проводил много времени в шкафу Мори и тщательно изучал содержимое его письменного стола, когда ящики были выдвинуты. Однажды, когда он нашёл на полу огромный бумажный пакет, Шварц ткнул его, чтобы посмотреть, что там внутри. Мальчик рассмеялся, когда увидел птицу в мешке.

– Он хочет построить гнездо, – рассказал он матери.

Эди почувствовала, что Шварца что-то гложет, и решила спокойно поговорить с ним.

– Может быть, если бы ты делал хоть немного из того, что просит мой муж, вы бы лучше ладили друг с другом.

– Что например? – поинтересовался Шварц.

– Например, принимать ванны.

– Я слишком стар для этого, – ответил Шварц, – мои перья выпадают и без ванны.

– Он говорит, от тебя плохо пахнет.

– Все имеют запах. Некоторые люди воняют от своих грязных мыслей, другие сами собой отравляют воздух. Мой неприятный запах от пищи, которую я ем. А от него почему смердит?

– Лучше мне у него не спрашивать, а то он совсем выйдет из себя, – сказала Эди.

В конце ноября Шварц мёрз на балконе в тумане и стуже, особенно в дождливые дни, когда он просыпался с окоченевшими суставами и еле мог пошевелинуть крыльями.

Он снова начал чувствовать приступы ревматизма. Он бы предпочёл проводить больше времени в тёплом доме, особенно, когда Мори был в школе, а Коган на работе. И хотя у Эди было доброе сердце и она бы наверняка не отказалась вносить его по утрам в дом, чтобы дать ему согреться, он боялся просить её об этом. Примерно в это же время Коган, придя с работы и

начитавшись статей о миграции птиц, вышел как-то вечером на балкон, пока Эди тушила на кухне мясо. Он украдкой заглянул в птичий домик и посоветовал скорей подыскивать себе другое пристанище и выметаться.

– Время отправляться в путь! – подразнивал он Шварца.

– Мистер Коган, за что Вы меня так ненавидите? Что плохого я Вам сделал? – спросила его птица.

– Да ты – источник всех бед, корень зла! Подумать только, вы слышали о Еврей-птице? А ну проваливай отсюда сейчас же, или начнётся война!

Но Шварц упрямо отказывался улетать, поэтому Коган начал кампанию по его преследованию в тайне от Эди и Мори. Мори терпеть не мог насилие, и Коган не хотел портить мнение сына о себе. Он думал, что если всячески издеваться над птицей, Шварц улетит сам, и не придётся применять физическую силу, чтобы выжить его. Погуляли – и хватит, пусть теперь наслаждается жизнью, пользуясь благосклонностью других людей. Правда, Коган волновался, как отсутствие птицы скажется на учёбе Мори, но, в конце концов, он решил не упускать такой шанс, во-первых, потому что мальчик, кажется, уже достаточно наловчился – надо отдать должное этой чёрной твари, а во-вторых, Шварц доводил его до чёртиков, даже во сне покоя не давал.

Торговец морожеными продуктами начал свою кампанию против птицы с того, что стал смешивать кусочки селёдки в тарелке Шварца с жидким кошачьим кормом. Ещё он надувал и лопал многочисленные бумажные пакеты прямо перед птичьим домиком, когда Шварц спал. Птица стала нервной и встревоженной, но сдаваться не собиралась, тогда Коган принёс в дом большого кота под видом подарка для малыша Мори, который всегда мечтал о котике. Кот набрасывался на Шварца всякий раз, лишь заведев его, а однажды он выдрал несколько перьев из его хвоста. И даже во время занятий, когда кота обычно оставляли за дверью комнаты Мори, он как-то наловчился и к концу урока прокрался в комнату. Шварц метался с места на место в смертельном страхе за свою жизнь, прыгая с люстры на вешалку для одежды, с вешалки – на верх двери, куда угодно, лишь бы ускользнуть от хищного зверя с огромной слюнявой пастью.

Однажды, когда птица пожаловалась Эди на свою жизнь, полную опасностей, она ответила:

– Имейте терпение, Мистер Шварц. Когда кот узнает Вас ближе, он перестанет преследовать Вас.

– К тому времени, как он перестанет, мы оба попадём в рай, – ответил Шварц. – Сделайте мне одолжение, избавьтесь от него. Он превращает мою жизнь в пытку. Я теряю перья, как дерево свои листья.

– Мне очень жаль, но я ничего не могу поделать. Мори любит котика и даже спит с ним.

Что мог поделать Шварц? Он очень нервничал, но в страхе никак не мог решиться покинуть кров. И он съедал селёдку, приправленную кошачьим кормом; изо всех сил старался не прислушиваться к треску бумажных пакетов, раздававшемуся каждую ночь около его домика, совсем как взрыв петарды; и жил, объятый ужасом, ближе к потолку, чем к полу, так как кот постоянно выслеживал его, грозно махая хвостом.

Так прошли несколько недель. А на следующий день после смерти матери Когана в своей квартире в Бронксе, когда Мори вернулся домой с двойкой за контрольную по математике, Коган, взбешённый, с трудом дождался, пока Эди поведёт сына на урок музыки, и в открытую атаковал птицу. Он загнал её метлой на балкон, и Шварц, не находя себе места от страха, стремительно кинулся в свой домик. Коган, торжествуя, подбежал к нему и, схватив за обе тощие лапки, вытянул наружу. Птица пронзительно каркала, изо всех сил хлопая крыльями, в то время как Коган крутил её над головой. Но Шварц, выписывая круги, вывернулся, схватил Когана за нос и накрепко впился в него своим клювом. Коган взвыл от боли. Ударив птицу кулаком и с силой дёргая её за лапы, он, в конце концов, высвободил свой нос. Затем он снова стал размахивать трепыхающейся птицей, пока Шварц не обессилел. Тогда яростным рывком он вышвырнул птицу в ночную темноту. И Шварц камнем упал на мостовую. Вслед за ним Коган выкинул птичий домик с кормушкой и, стоя у края балкона, дождался, пока они с шумом упали вниз. А затем целый час приходил в себя, не выпуская из рук метлу, сердце его бешено колотилось, нос ныл от боли. Коган ждал, что Шварц вернётся,

но убитая горем птица так и не прилетела.

– Ну вот я и разделался с этим грязным прохвостом, – подумал торговец, выходя с балкона. Эди и Мори уже были дома.

– Вы только посмотрите, – сказал им Коган, показывая на свой распухший до неузнаваемости нос. – Вот что наделала эта паскудная птица. Теперь у меня останется шрам на всю жизнь.

– Где он сейчас? – спросила испуганная Эди.

– Я выбросил его в окно, и он улетел. Скатертью дорога.

Никто не возразил, только Эди промокнула платком глаза, а Мори сразу же бросился повторять таблицу умножения. В результате выяснилось, что он знает её от силы наполовину.

Весной, когда растаял последний зимний снег, мальчик, растроганный воспоминаниями, бродил по своему кварталу в поисках Шварца. Недалеко от реки он случайно наткнулся на мёртвую чёрную птицу. Оба её крыла были переломаны, шея свёрнута, оба птичьих глаза выколоты.

– Кто это с тобой сделал, Мистер Шварц? – всхлипнул Мори.

– Антисемиты, – сказала ему позднее Эди. Neкаýalar